

СЕМЕЙНЫЙ
РОМАН

Часть первая

РОДИЧИ

I

Пошел уже второй год с тех пор, как Эрленд, сын Никулауса, и Кристин, дочь Лавранса, поселились в Йорюндгорде, когда хозяйка решила сама отправиться летом на сетер.

Она обдумывала свое намерение всю зиму. В Шенне с давних времен повелось, что хозяйка усадьбы сама выезжает на летнее пастбище: когда-то в старину тролли заманили в горы дочь владельца этой усадьбы, и с той поры мать девушки каждый год сама поднималась на сетер. Но в Шенне вообще на все были свои порядки, жители округи давно с этим свыклись и принимали как должное...

В других больших поместьях не было в обычае, чтобы жены владельцев сами управлялись на выгонах. Кристин знала, что, если она отправится в горы, соседи станут дивиться и чесать языки. Господь с ними, пусть себе болтают. Они и без того, верно, чешут языки о ней и о ее семье.

Все имущество Эудюна, сына Турберга, состояло в добром мече да одежде, что была на нем, когда он взял за себя Ингебьёрг, дочь Никулауса из Лоптсгорда. Эудюн принадлежал к свите хамарского епископа, и вот, когда епископ приехал сюда, на север, освящать новую церковь, Ингебьёрг и попала в беду. Никулаус, сын Сигюрда, сначала пришел в ярость и поклялся перед Богом и людьми, что конюху не бывать его зятем.

Но Ингебьёрг разрешилась двойней, и люди, смеясь, говорили, что Никулаусу, видно, показалось накладно одному быть кормильцем двоих внучат. Вот он и отдал Эудюну дочь в законные жены.

Случилось это через два года после свадьбы Кристин. Жители округи до сих пор не забыли этой истории и по-прежнему косились на Эудюна как на чужака. Он был родом из Хаделанда и происходил из хорошей, но совершенно обедневшей семьи. В Силе его недолюбливали. Человек он был несговорчивый, нравом крут, памятлив на добро и зло, но в усадьбе хозяйничал умело и вдобавок знал толк в законах. Вот почему Эудюна, сына Турберга, по-своему уважали в округе и, уж во всяком случае, никто не хотел с ним ссориться.

Кристин вспомнила широкоскулое загорелое лицо Эудюна, обрамленное копной курчавых рыжих волос и бородой, его маленькие, острые, голубые глазки. Она находила в нем сходство то с одним, то с другим челядинцем из Хюсабю — ей часто случалось видеть такие лица среди слуг и гребцов Эрленда.

Кристин вздохнула. Видно, такому человеку легче утвердиться в родовом имении жены. Ему никогда прежде не приходилось владеть своим собственным...

Всю зиму и весну Кристин наставляла Фриду, дочь Стюркора, которая приехала с ними из Трондхеймской области и была теперь старшей служанкой в усадьбе. Вновь и вновь она рассказывала ей: вот так и так водится здесь, в долине, во время летних работ; косцы истари привыкли к тому-то и тому-то, а к жатве следует приготовить то-то и то-то; впрочем, Фрида, верно, помнит, как сама Кристин делала это в прошлом году. Хозяйка хотела, чтобы в Йорюндгорде все шло так, как было заведено во времена Рагнфрид, дочери Ивара...

Однако прямо объявить, что сама она покинет летом усадьбу, Кристин не решалась. Вот уже две зимы и

одно лето хозяйничала она в Йорюндгорде и сознавала, что уехать к осени на сетер — все равно что попросту сбежать из дому.

Ей ли было не знать, как тяжело приходится теперь Эрленду. Еще на руках у кормилицы он усвоил, что рожден приказывать и вершить свою волю надо всеми и всем вокруг. И если он предоставлял потом другим повелевать и управлять собой, то поступал так, сам того не сознавая.

Держался Эрленд как ни в чем не бывало. Но сердце ее чуяло, что на самом деле он изнывает от тоски. Она сама... Отцовская усадьба в глубине тихой, защищенной горами долины; ровные поля вдоль серебристого русла реки, поблескивающей среди ольховой заросли; крестьянские дома на возделанных землях у подножия гор и нависшие над ними отвесные кручи, вздымающиеся высоко к небу темные вершины; светлые осыпи на крутых склонах, хвойные и лиственные леса, громящиеся вверх по крутизне от самой долины... Нет, теперь и ей этот край не казался самым надежным убежищем и самым красивым уголком на земле. Здесь не хватало простора. И уж кому, как не Эрленду, должно быть и тесно, и душно, и неприятно в этой глуши?

Но, глядя на Эрленда, никто не мог бы подумать, что он недоволен своей участью...

В тот день, когда в Йорюндгорде выпустили скот из хлевов, Кристин наконец объявила о своем намерении — объявила под вечер, когда все домочадцы собрались за ужином. Эрленд копался в блюде с рыбой, отыскивая в нем лакомые кусочки, — от изумления он так и замер, запустив пальцы в блюдо и уставившись на жену. Тогда Кристин поспешила добавить, что решается на этот шаг из-за глоточной, которая косит детей в долине; к Мюнану и без того липнет всякая хворь, вот она и хочет взять его и Лавранса с собой в горы.

Сигрид Унсет. Кристин, дочь Лавранса

— Ну что ж, — согласился Эрленд. — Тогда, пожалуй, самое разумное — захватить тебе с собой и близнецов.

Ивар и Скюле подскочили на скамье и потом до конца ужина тараторили, перебивая друг друга: они хотели отправиться с Эрлендом на овечий выгон, расположенный к северу среди скал. За три года до этого пастухи из Силя выследили вора, который крал овец, и убили его у входа в пещеру, где он скрывался в ущелье между Кабанами. Это оказался какой-то бродяга из Эстердала. Не успели домочадцы встать из-за стола, как Ивар и Скюле приволокли в горницу все свое оружие и стали приводить его в порядок.

Поздним вечером Кристин вышла со двора в сопровождении дочерей Симона, сына Андреса, и своих сыновей Гэуте и Лавранса. Арньерд, дочь Симона, провела большую часть зимы в Йорюндгорде. Девушке уже исполнилось пятнадцать лет, и как-то на Рождество в Формо Симон заметил, что пора бы Арньерд поучиться, как следует вести хозяйство, а дома ее некому наставить: работа спорится в руках у девушки не хуже, чем у любой из служанок. Тогда Кристин предложила взять Арньерд к себе и обучить ее всему, что сама умеет, — Кристин чувствовала, что Симон очень любит эту свою дочь и беспокоится о ее судьбе. Девочке и впрямь следовало поучиться другим порядкам в хозяйстве, не похожим на те, какие были заведены в Формо. После смерти родителей жены Симон, сын Андреса, стал одним из богатейших людей в округе. Он управлял своими владениями разумно и заботливо, с особенным рвением занимаясь хозяйством в Формо. Но в доме у него царил полнейший беспорядок — служанки вершили все дела по своему усмотрению; когда Симон замечал, что развал и запустение переходят все границы, он нанимал одну или двух новых работниц, но жене не говорил ни слова и, казалось, не хотел и не ждал, что она сама возьмет на себя заботы по дому. Видно было, что он все еще не считал ее

взрослой; но он всегда был ласков и уступчив с Рамборг и кстати и некстати осыпал подарками ее и детей.

Кристин очень привязалась к девочке, когда узнала ее поближе. Арньерд была некрасива, но умна, скромна, добра и прилежна, и руки у нее были золотые. Когда девочка помогала ей по хозяйству или вечерами сидела подле нее за работой в ткацкой, Кристин жалела о том, что у нее самой нет дочери. Дочь больше тянется к матери...

Вот и сегодня Кристин вновь подумала об этом. Она шла по дороге, ведя за руку Лавранса, и смотрела вслед Гэуте и Арньерд, которые немного опередили ее. Ульвхильд носилась взад и вперед, разбивала ногой хрупкую корочку льда, затянувшего к вечеру лужицы. Она изображала какого-то зверька и поэтому вывернула свой красный плащ наизнанку, белым заячьим мехом наружу.

Внизу, в долине, сгущались тени, окутывая сумерками голые бурые поля. Но весенний вечер был словно пронизан светом. Первые бледные звездочки влажно поблескивали в высоком небе, там, где прозрачно-зеленые краски переходили в синеву, предвещающую наступление ночного мрака. Над черными гребнями гор по ту сторону долины еще держалась кромка золотого света, и его отблеск ложился на каменистую осыпь под скалой, где они проходили. А на самых высоких, одетых сугробами гребнях искрился снег и переливались над крутизной сосульки, рождая звенящие, журчащие и брызжащие ручейки, стекавшие по всему склону. Воздух над поселком был напоен журчанием воды — снизу ему вторил глухой рокот реки. А из всех рощиц, дубрав и из самой чащи леса неслоще щебетание птиц.

Один раз Ульвхильд остановилась и, подняв камень, бросила его в ту сторону, где пела птица. Тогда старшая сестра схватила ее за руку. Младшая послушно прошла рядом с ней несколько шагов, но потом вырвалась, ум-

чалась по склону вдоль ручейка и возвратилась только тогда, когда Гэуте ее окликнул.

Они подошли как раз к тому месту, где тропинка углублялась в еловый лес; в гущине зазеленела стальная тетива. В лесу еще не стоял снег, от него тянуло холодком и свежестью. Чуть подалее, на прогалине, они увидели Эрленда с Иваром и Скюле.

Ивар стрелял по белке; стрела засела в стволе ели у самой верхушки, и теперь мальчик пытался ее сбить. Он бросал в нее камень за камнем, и каждый раз, когда Ивар попадал в ствол, могучее мачтовое дерево гудело от удара.

— Погоди-ка, дай я попробую, — сказал отец.

Он отбросил за спину складки плаща, поднял лук и небрежно прицелился в полумраке деревьев. Тетива запела, и просвистевшая в воздухе стрела вонзилась в ствол рядом с первой. Эрленд взял еще одну стрелу и снова выстрелил — одна из стрел, сидевших в дереве, с шумом стала падать вниз, путаясь в ветвях; у второй оказался расщеплен хвост, но жало крепко засело в стволе.

Скюле бросился подбирать стрелы, упавшие в снег, а Ивар продолжал пристально вглядываться в вершину ели.

— Это моя стрела осталась, отец. Весь наконецник ушел в дерево. Хороший выстрел — правда, отец? — И он стал объяснять Гэуте, почему он не попал в белку.

— Ты еще не собираешься в обратный путь, Кристин? Мне пора возвращаться. Завтра мы с Ноккве чуть свет уйдем за глухарями...

— Нет, — поспешно ответила Кристин. Она проводит девочек до усадьбы; ей надо поговорить с сестрой...

— Пусть тогда Ивар и Скюле пойдут с матерью, а я останусь с вами. Можно, отец? — попросил Гэуте.

Прощаясь, Эрленд поднял на руки Ульвхильд. Русые локоны девочки выбились из-под капюшона, и она

была такая хорошенькая, румяная и свежая, что Эрленд расцеловал ее, прежде чем опустить на землю, а потом повернулся и вместе с Гэуте направился к дому.

Теперь, когда у Эрленда было сколько угодно досуга, он постоянно таскал за собой то одного, то другого из сыновей.

Ульвхильд взяла тетку за руку, прошла рядом с ней несколько шагов, но потом снова вихрем рванулась вперед и вмиг очутилась между Иваром и Скуле. Что говорить, Ульвхильд — красивый ребенок, но свое-нравный и необузданный. Будь у них дочь, она тоже ходила бы по пятам за Эрлендом...

В Формо они застали в горнице только Симона с сынишкой. Хозяин сидел на почетном месте, в середине стола, любуясь Андресом. Малыш ползал на коленях по скамье, играя старыми деревянными гвоздями; он старался поставить их стоймя на шляпки на краю столешницы. Увидев, чем занят ее братец, Ульвхильд даже забыла поздороваться с отцом. В одно мгновение она оказалась на скамье рядом с Андресом, схватила его за шиворот и, стукнув лбом об стол, стала кричать, что это гвозди ее и что ей их подарил отец.

Симон встал, чтобы разнять детей, но неловким движением задел маленькое фаянсовое блюдо, стоявшее у его локтя. Оно упало на пол и разлетелось вдребезги.

Арньерд полезла под стол подбирать черепки. Взяв черепки у дочери, Симон бросил на них сокрушенный взгляд: «Пожалуй, твоя мать разгневется на меня». Красивое, расписанное цветами блюдо из белого фаянса господин Андрес Дарре привез когда-то из Франции. Симон объяснил Кристин, что после смерти отца блюдо досталось Хельге, но она подарила его Рамборг. Обе женщины считали его большой драгоценностью. Услышав в сенях голос жены, Симон поспешно спрятал осколки за спину.